

ПОЛИТИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ИДЕИ Н. БЕРДЯЕВА И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОСТМОДЕРНА

Попков В. В., доктор филос. наук, профессор

Николая Бердяева можно со всей обоснованностью отнести к выдающимся философам-персоналистам конца XIX – первой половины XX столетия. Столь же обоснованно его можно назвать выдающимся интуитивистом. Сам Бердяев в своем автобиографическом «Самопознании» считал интуитивизм своим важнейшим творческим принципом, имевшим методологический характер. Сегодня бердяевский персонализм и интуитивизм становится весьма востребованным, когда речь заходит о социальных практиках и дальнейших тенденциях постмодерна.

В свое время Н. Бердяев интуитивно сформулировал трехэтапный процесс исторического становления человека. Первый этап – этап поглощенности мира человеческого миром космическим, время растворенности человека в природных ритмах и стихиях. Второй этап – этап поглощенности человеческого мира миром социальным и технологическим и подчинения человека ритмам технологической эпохи. Третий этап – личностное раскрепощение и подчинение принципу человека иных ритмов: технологических, социальных и космологических [См.: 2].

Эти бердяевские градации удивительным образом перекликаются с современной триадой: премодернизмом, модернизмом и постмодернизмом, вошедшей сегодня в лексикон ученых, деятелей культуры и политиков.

Известно, что премодернизм в первую очередь ассоциируется с древнегреческой мифологией, в которой космос (общий порядок, который просматривается во всех вещах) опирается на хаос («невидимый», «дыра», «неопределенная пустота»).

Модернизм в свою очередь по определению Алена Турена, является сложной системой, «которая стремится к самоутверждению и достижению господства» [См.: 11].

А постмодернизм, по мнению Стивена Каммингса стремится к свободным креативным изобретениям, устанавливая произвольную связь, как с новейшими теориями, так и с древнейшими ми

фами. Постмодернизм проявляется в том, как люди, организации или общества комбинируют Модерн и Премодерн, глобальное и локальное, идеи, стили и подходы, так как считают нужным они сами. [4;126.]

Анализируя такие интерпретации Постмодерна, есть определенный смысл утверждать, что в XXI веке создаются объективные предпосылки для наступления новой эпохи в бытии личности. Проанализировать эти предпосылки, сопоставляя философские интуиции Бердяева с теоретическими выкладками постмодернизма и является целью данной статьи.

Постараемся более подробно раскрыть антропологический смысл перехода от эпохи Модерна к эпохе Постмодерна – то, что нас в первую очередь должно интересовать при рассмотрении проблемы «Бердяев и постмодернизм».

Известный американский философ Тэлкот Парсонс, описывая современное ему общество Модерна, подчеркивал, что оно в первую очередь является «унифицированной тотальностью». Стержнем этого общества является «общезначимая система ценностей», общепризнанные ориентиры, которые связывают всех членов общественной жизни в нечто целое. То есть указывается антропологический фактор: не безличные «производительные силы и производственные отношения», а конкретные люди, признавшие определенные общие ориентиры в жизни и сделавшие их мотивами своего поведения формируют общество [См.: 9].

Центральным тезисом Парсонса является тезис о том, что «... процесс или набор условий либо «делает вклад» в поддержание (или создание) общезначимой системы ценностей, либо является «дисфункциональным», поскольку препятствует ее интеграции, эффективности и т. д...». Тезис весьма примечательный. Из него следует вывод: если сложилась устойчивая система общезначимых ценностей, и ее поддерживает некий устойчивый набор условий, то тогда общество будет стабильным. Если сложившаяся система ценностей сталкивается с иными организационно-экономическими условиями, все более широко охватывающими общественную жизнь, – тогда жди беды. Происходит дисфункциональный «сбой системы». Общество может развалиться. Катастрофа СССР, в

ткань которого было индокринировано «новое мышление» Горбачева с ценностными установками, явно диссонировавшими со сложившимися организационно-экономическим условиям – яркое тому подтверждение. В принципе катастрофу СССР многие считают последней глобальной катастрофой эпохи Модерна.

С начала XXI века мир все более стремительно втягивается в Постмодерн с его социокультурными особенностями. Эти особенности пытается вычлениить Жан-Франсуа Лиотар. Он считает, что эпохе Модерна присущи глобальные «мега-нарративы» («мега-диктовки» или «мега-повествования»), такие как «интеграция», «прогресс», «эффективность». Все объекты, которые не имеют отношения к этим унифицирующим целям, не «включены» в них, рассматриваются модернистами как «дисфункциональные» [См.: 6].

Социотехнический «космос» Модерна нацелен на то, чтобы постоянно захватывать и подчинять себе «хаос» неупорядоченных объектов, включая спонтанные межличностные отношения. Идеология «логоса», усмиряющего «хаос» лежала в основе формирования империй в ХУII–ХIХ столетиях. Она просматривалась в концепции «цивилизации» (Западного мира), распространяемой на «варварский мир» (то есть незападные общества). Апофеозом господства мега-нарративов стала гитлеровская концепция «нового порядка», беспощадно уничтожающего все хаотические проявления спонтанности «примитивных наций» вместе с их носителями.

В противоположность Модерну Постмодерн основывается на принципе «гетерогенности». А гетерогенность рассматривается как основа креативности, способности к творчеству. Постмодернисты подвергают критике мега-нарративы как пережиток «модернистского прошлого» как факторы доминирования общего над специфическим и локальным. Постмодернисты задают вопрос: действительно ли эффективность более важна, чем разнообразие? Они противодействуют попыткам модернистов навязать мега-нарративы всем другим способам мышления. В социально-политических практиках Запада это проявилось в виде лозунга «малое – прекрасно!», в политике мультикультурализма. В международном плане это проявляется в признании равноценности

всех существующих на сегодняшний день цивилизаций [См.: 12].

Однако, отрицая меганерративизм Модерна, постмодернисты достаточно реалистичны, чтобы понимать, что глобальные продукты модернистского мира никуда не денутся. Постмодернисты достаточно прагматичны, чтобы увидеть, что из этих продуктов можно извлечь некоторую пользу в новых социальных условиях. Нужно лишь критично относиться к модернистским заявлениям об универсальности и «безальтернативности» этих продуктов, уметь отделять «зерна от плевел».

Эту идею можно связать с утверждением Шарля Бодлера о том, что стиль зависит от того, как человек позиционирует себя по отношению к хаосу, изменению, фрагментации, иррациональности и парадоксу. Человек «может сражаться с ними или принимать их, стараться доминировать над ними, или просто плыть с ними по течению». То есть личная позиция человека по отношению к этим факторам определяет образ и стиль его жизни. Перефразируя известное высказывание Дейла Карнеги: «жизнь есть то, что мы о ней думаем» можно сказать «жизнь есть то как мы к ней относимся».

Следуя этой логике, модернизм стремится сражаться и доминировать, укреплять и выстраивать порядок, который поглощает, трансформирует, направляет, управляет и контролирует. В противоположность модернизму постмодернисты считают, что хаос или парадокс вовсе не являются препятствием, которое обязательно нужно преодолевать. Жить вполне можно в условиях хаотичной парадоксальности бытия. Постмодернисты охотно используют порядок и технологии модернизма, но в то же время принимают и хаос. Они считают, что пустоты или хаос между объектами просто необходимы, если кто-то намерен лавировать между ними и объединять их для того, чтобы творить. Поэтому постмодернизм – это не столько новая эпоха, сколько оспаривание и «вдыхание новой жизни» в некоторые старые утверждения модернизма.

Однако проблема «вдыхания новой жизни» не может быть решена с помощью только лишь социальных институтов. Она является проблемой свободной духовной инициативы личностей.

В этом пункте интенции постмодернизма и бердяевский персонализм сходятся. Ведь практики Постмодерна нуждаются в личности иного измерения, чем личность, сформированная мега-нарративами, нуждаются в акторах, которые инициативно формируют нестандартный (небывший) стиль мышления и жизни.

Проблеме личности такого типа и такого типа акторов и посвятил большую часть своей жизни Николай Бердяев, не предполагавший, что его изыскания в области свободы духа станут созвучными интеллектуальным поискам эпохи постмодерна. Центральным философским тезисом Н. Бердяева было раскрытие смысла существования бытия через смысл существования человека. Философия, с точки зрения Бердяева, должна быть антропоцентрической. Она должна познавать бытие «из человека и через человека». К аналогичной идее к началу XXI века пришли теоретики постмодернизма, считающие что основой новообразующегося общества является уже не тотальная «объективность» мега-нарративов, а усиливающаяся субъективность свободно действующих акторов.

Однако Бердяев подходит к этой идее глубже. Он ставит вопрос не просто о субъективности, а о полноценном человеческом существовании. Полноценное человеческое существование по Бердяеву – это осмысленное существование, а осмысленное существование – это существование в истине. Достижение истины возможно либо на путях спасения (ухода от неистинного мира), либо творчества (активного переустройства культурного мира, а, следовательно, мира социального и политического). И тот и другой путь являются творческими путями. Применительно к реалиям XXI века и путь спасения и путь активного переустройства одинаково актуальны и востребованы. Итак, осмысленное существование или существование в истине может рассматриваться как императив жизненных ориентаций личности, оказавшейся в мультикультурной и полифоничной атмосфере постмодерна. Именно мир осмысленно существующей личности, стремящейся к свободному постижению истины, а не потерявшей в калейдоскопе явлений, должен стать «осью» мира Постмодерна.

Креативная природа человека божественна, считает Бердяев, и в этом состоит богоподобие человека. Со стороны Бога высшая природа человека явлена Иисусом Христом, богом, принявшим человеческий облик. Со стороны человека его высшая природа представлена творчеством, созданием «нового, не бывшего еще». Встреча этих двух «высших природ» может рассматриваться сегодня как прообраз ответа на вызовы социальных практик постмодерна.

Воззрения Бердяева на креативность человека как знак его богоподобия получили свое первое развернутое выражение в книге «Смысл творчества» а свое законченное оформление в работе «Философия свободного духа. Проблематика и апология христианства». В этих работах Бердяев воспринимает личность как качественно своеобразную духовную энергию и духовную активность, как центр творческой энергии общества.

Следует отметить, что личность как духовная энергия и духовная активность – часто обсуждаемая тема в среде теоретиков постмодерна. Все они, так или иначе, делают акцент на личности, не являющейся «продуктом обстоятельств», а наоборот делающей обстоятельства своим продуктом (личность – не «совокупность общественных отношений», а «совокупность общественных отношений – проекция личности»).

Если рассматривать это положение в контексте XXI века, то бросается в глаза следующее обстоятельство: в современном информационном обществе вразрез со всеми «техницистскими» ожиданиями человек становится все менее «техническим» и все более «интимным», озабоченным своим индивидуальным самоопределением. О феномене усиления духовной активности личности по мере развития информационной цивилизации еще в конце XX века писал Джон Нейсбит в своей широкоизвестной книге «Мегатренды». Он подчеркивает, что в обществе постоянно действуют две взаимодействующих и взаимно оппонирующих тенденции: технический прогресс – душевный комфорт. Чем выше будет научно-технический уровень общества, тем более интенсивно люди будут искать способы неформального общения, духовных увлечений и интимной душевности. И в этом духовном поиске

религия играет все более значимую роль. Нейсбит подчеркивает, что «новый интерес к религии многовариантен: ни одна религиозная группа не может похвастаться значительным процентом общего прироста. Скорее происходит рост по всему полю, снизу вверх...» [8; 339].

Но вернемся к философии Н. Бердяева. В последующих своих работах «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1931), «Я и мир объектов. Опыт философии одиночества и общения» (1934), «Дух и реальность. Основы общечеловеческой духовности» (1937) Бердяев усиливает духовноцентрический момент в своей философии. Для выражения этой усилившейся роли личностного духа Бердяев использует методологию экзистенциализма.

Главным субъектом бытия по Бердяеву становится дух как экзистенциальный субъект. Объект есть результат взаимодействия двух интенций духа – интериоризации и экстериоризации. Интериоризация означает направленность духа на самого себя (к «миру подлинно сущему, к царству свободы»). Тем самым происходит самоуглубление жизни духа.

Экстериоризация означает направленность «к порабощающему миру объективности, к царству необходимости». Экстериоризацией обозначается «недолжное» состояние духа. Результатом ее является рождение мира объектов, объективация, которая представляет тот же дух, но в состоянии «падшести», «утери свободы». Маркс называл это состояние отчуждением, когда продукты человеческого творчества отчуждаются от человека и могут противостоять ему.

Характеризуя мир объективации, Н. Бердяев устанавливает такие его признаки: «1) отчужденность объекта от субъекта; 2) поглощенность неповторимо-индивидуального, личного, общим, безлично-универсальным; 3) господство необходимости, детерминации извне, подавление и закрытие свободы; 4) приспособление к массивности мира и истории, к среднему человеку, социализация человека и его мнений, уничтожающая оригинальность» [1; 63]. Бердяевская характеристика мира объективации удивительным образом перекликается с характеристикой мира эпохи модерна, предлагаемой современными теоретиками.

Так Аласдер Макинтайр говорит о всеобъемлющем принципе, или мега-нарративе эпохи модерна. Это – «бюрократическая рациональность», процесс достижения таких целей, как большая определенность, экономический прогресс и эффективность. Впоследствии производственная эффективность стала и общей целью Модерна и его универсальным средством оценки действий.

В работе Теодора Левитта «Глобализация рынков», опубликованной в середине 1980-х годов тема исчезновения индивидуальности была доведена до своего логического завершения. Левитт спрогнозировал переход от мультинациональных корпораций к глобальным, а также предположил, что переход этот будет осуществляться во все более гомогенизированном (то есть однородном) мире.

Если продолжить линию Бердяева, то в своих работах он утверждает, что объективированное общество предстает как господство коллектива, где положение человека опосредствовано безличными нормами и законами, исключаящими «свободную интимность». Высшим проявлением антиперсоналистского духа общества является государство. Оно заняло место субъекта социальной жизни.

Бердяев восстает против этого. Свою философию он называет «философией свободного духа». Постмодернизм также восстает против антиперсонализма. Он не признает универсального языка, с помощью которого можно обозначать все объекты, не признает навязывания всему миру глобальных стандартов, ценностей, теорий, или продуктов.

Н. Бердяев из своих главных философских посылок выводит свою гносеологию. Он утверждает, что имеется два рода познания: а) свободное и необъективированное (духовное знание, связанное с верой); и б) принудительное, объективированное (научные изыскания). Высший уровень познания (религиозный) возможен на высочайшем уровне духовной активности.

В своем отношении к религии Бердяев скорее равнодушен к богословским, догматическим вопросам. Его интересует не столько сохранение христианства в его догматическом выражении, сколько его раскрытие как действительной силы современности. Это, с его точки зрения, возможно на пути сакрализации творческих способностей человечества, то есть воспитания у человека веры в то, что его свободная творческая деятельность является актом божественного миротворения.

Что касается науки, то хотя она «познает падший мир», тем не менее научное познание полезно, поскольку способствует осознанию человеком внешних координат своей активности и способов перевоплощения «падшего мира» в соответствии с духовной окрыленностью человека. Высшая же общность людей достигается в Боге. Она представляет собой соборность как внутреннее духовное родство личностей.

В свою очередь постмодернизм придерживается мировоззрения, которое Лиотар называл паралогией – нелегитимным или «ошибочным» совмещением традиций, языковых игр, или философских школ, которое стимулирует изобретательство. Такой подход противоположен «гомологичному» акценту Модерна на согласованности и единообразии отношений, которые обеспечивают поступательное совершенствование. Постмодернистская практика допускает существование многих логик, противоречащих друг другу. Она прямо противоположна постоянному, «поточному» использованию доминантной логики. Знание, постигнутое таким образом, это не ряд самосогласованных теорий, которые направлены на получение идеального видения. Скорее это постоянно расширяющийся океан взаимно несовместимых альтернатив, в котором каждая отдельная теория или миф подталкивает другие к еще большей разборчивости и все они вносят свой вклад, благодаря своей конкуренции, в развитие нашего понимания. Ничто не постоянно и никакая точка зрения не может быть упущена из виду.

Э. Левинас в своей книге «Трудная свобода» определил будущее общество как «мирное сосуществование в разобщенности», «диаспору абсолютов»[См.: 5]. А. М. Фезерстоун, по-своему интерпретируя тему соборности, высказал предположение о

том, что Постмодерн стремится к «общности, которая включает способность признавать отличия как легитимные и валидные (правомерные)». Постмодернизм не предлагает бездумную анархию – люди зависят от определенных систем взглядов, существующих в их обществе, и часто, благодаря информационным технологиям, эти общества (например, финансовые рынки) распространяются по всему Земному шару. Постмодерн стремится поддерживать достаточную открытость объектов, что позволит и Модерну и не-Модерну и глобальному и локальному и старым и новым подходам конкурировать за внимание отдельных людей и организаций, в ходе принятия решений. В нашем мире существуют возможности, как для повышенной глобализации, так и для повышенной локализации.

Постмодернизм проявляется в том, как люди, организации или общества комбинируют Модерн и Премодерн, глобальное и локальное, идеи, стили и подходы так, как считают нужным они сами. Однако главная проблема здесь – сами люди, их внутреннее качество, которое должно быть тоже измененным, должно быть адекватным проблемам и вызовам Постмодерна. К сожалению, об этом мало говорится в постмодернистской литературе. И этот пробел можно восполнить, обращаясь к философии Н. Бердяева.

Его обращение к «Новому» есть, по сути, обращение к «Вечному», не подвластному быстротекущим модам. Философская антропология Бердяева основывается на идее богоподобия человека и вочеловечивания Бога. С точки зрения философа человек призван к соучастию в божественном творчестве, и история есть продолжение миротворения. Бердяев различает земную (летописную) и небесную историю (метаисторию).

Земная история (то есть события, следующие в необходимом порядке исторического времени) создана грехопадением человека, катастрофой падения изначальной свободы. Символической реальностью метаистории выступает библейская мифология, основные события которой (грехопадение, явление Иисуса Христа, Страшный Суд) проецируются на мир человеческий и выступают организующими моментами земной истории.

В историософию Бердяев вводит принципиальное положение о конце истории. Проблема смысла истории для него сопряжена с проблемой исторического времени. Если оно бесконечно, то оно бессмысленно: «история мира и история человечества имеет смысл лишь в том случае, если она кончится» [1; 198].

Однако конец истории он мыслит не как космическую или социальную катастрофу, а как преодоление объективации, отчужденности, вражды, безличности. Во времени сталкивается историческая необходимость и человек как носитель свободы. И главная роль принадлежит именно ему. Человек «завершает» историю всякий раз в акте творчества — внося в историю новизну, преодолевает дурную бесконечность исторического времени, оканчивает его, делая возможным осмысление, «просветленность» истории. Перманентная эсхатология завершается полным преобразованием «плоти» мира, когда он перейдет на качественно новый уровень существования. [2; 237].

Вывод

Николая Бердяева, конечно же, нельзя рассматривать как философа и идеолога Постмодерна. На слишком другое были направлены его философские устремления. Но тема богоподобия человека, выражающаяся в его способности к свободе и творчеству, тема человеческого творчества как перманентной эсхатологии, тема развоплощения и перевоплощения «мира сего» энергичным духовным человеческим усилием может серьезно обогатить современную философию Постмодерна. И обогатить в главном – личностном – аспекте. Ведь человек не только объект и «жертва» процессов глобализации и локализации. Такое «жертвенное» качество личности есть качество уходящей эпохи. Эпоха Постмодерна состоится тогда, когда на авансцену выйдет человек свободно творящий, но не в ницшеанском облике «сверхчеловека», а в христианском облике «блудного сына», преодолевшего свое «блуждание» и свой «блуд» и со всей своей страстностью включившегося в свободное творчество Отца.

Литература

1. Бердяев, Н. А. Дух и реальность. Я и мир объектов / Николай Бердяев – М.: АСТ., 2007 – 381 с.
2. Бердяев, Н. А. Философия свободы. / Николай Бердяев - М. : АСТ, 2004 – 333 с.
3. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого. / Николай Бердяев – М.: АСТ, 2006 – 349 с.
4. Каммингс, С. Реконструкция стратегии / С. Каммингс, пер с англ. – Х.: Изд-во Гуманитарный центр. 2010 – 560 с.
5. Левинас Э. Л Избранное: Трудная свобода/ Пер. с франц. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004. – 752 с.
6. Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар; Пер, с фр. Н. А. Шматко – М.: Институт экспериментальной социологии, Спб.: Алетейя, 1998. – 160 с.

7. Макинтайр А. После добродетели: Исследования теории морали/ А. Макинтайр; пер. с англ. В. В. Целищева – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2000.– 384с.
8. Нейсбит, Дж. Мегатренды / Дж. Нейсбит; пер с англ. М. Б. Левина. – М.: АСТ, 2003. – 380 с.
9. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер с англ. Под ред М. С. Ковалевой. – М.: Аспект-пресс, 1998. – 270 с.
10. Попков, В.В. Раскрепощение духа. Феномен революции в социальной философии Н. Бердяева. / В. В. Попков – Одесса: Астропринт, 2007. – 304 с.
11. Турен А. Возвращение человека действующего / А. Турен, пер с англ. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
12. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон; пер с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003 – 603 с.